



Проблематизация государства как актора мировой политики

Максим Харкевич

Для построения научной теории, позволяющей систематическим образом описывать, объяснять и прогнозировать мировые политические процессы, необходимо, в числе прочего, определить уровень анализа изучаемых процессов и выделить его независимые и зависимые переменные. Иными словами, нужно определить независимый источник изменений в мировой политике и уровень, на котором этот источник располагается. Еще в 1959 г. основатель неореализма К. Уолтц в книге «Человек, государство и война» [Waltz 1959] выделил три уровня анализа международных процессов: индивидуальный, государственный и международный. В теоретическом дискурсе эти уровни принято, вслед за Уолтцем, называть по их порядковому номеру — первый, или индивидуальный (*first image approach*), второй, или государственный (*second image approach*), и третий, или межгосударственный (*third image approach*). Спустя двадцать лет в своем ставшем классическим труде «Теория международной политики» [Waltz 1979] Уолтц

утверждал, что искомым является исключительно третий уровень анализа, то есть межгосударственный, а независимая переменная, или источник изменений в мировой политике, — это структура распределения материальных факторов мощи. Таким образом, государство как таковое оказалось вне фокуса интересов неореалистов, так как рассматривалось ими как зависимая переменная, не способная изменить логику международной анархии. Уолтц писал в этой связи, что «для определения международной политической структуры второй уровень анализа не нужен, поскольку до тех пор, пока будет сохраняться анархия, государства будут оставаться равными друг другу элементами структуры» [Waltz 1979: 93].

Неолибералы, в частности институционалисты, «дополнили» своих традиционных оппонентов, неореалистов, введя в причинно-следственный механизм международного взаимодействия промежуточную переменную в виде международных институтов и режимов. И все же представители

двух ведущих парадигм — неореализма и неолиберализма — сходятся во мнении, что государство является зависимой переменной. Вероятно, именно поэтому в теории международных отношений (ТМО) нет разработанных подходов к анализу государства как актора мировой политики. Как пишет по этому поводу П. Джексон, «в науке о международных отношениях все еще отсутствует теория основного объекта ее анализа» [Jackson 2004a: 256]. С ним солидарен и К. Уит: «представители доминирующих школ международных отношений просто не верят, что государство существует» [Wight 2004: 270].

И все же на современном этапе развития ТМО интерес к государству возрождается. Он набирает силу в рамках двух параллельно развивающихся дискуссий — «третьих дебатов», носящих широкий междисциплинарный характер, и включенных в них «вторых дебатов о государстве». Рассмотрим подробнее содержание этих дискуссий.

Согласно теоретикам, описывающим «третьи дебаты», ТМО прошла в своем развитии две последовательные стадии и сейчас находится на третьей [см.: Lapid 1989: 235–254; Adler 1997: 319–363]. В 1920–1930-х годах предметом дискуссии, развернувшейся между представителями «идеализма» и «реализма», стала природа человека. Реалисты полагали, что для человека естественно стремление ко злу и для противодействия этому стремлению он должен подстраиваться под окружающий политический, экономический и социальный мир, воспринимая его таким, какой он есть. Идеалисты, напротив, считали человека существом, добрым от природы, а причину зла усматривали в искажениях внешнего социально-политического мира, который, с их точки зрения, и нужно было подстраивать под человека.

В 1950–1960-х годах в полемику вступили представители научных и исторических подходов к изучению международных отношений. Сторонники научных подходов (М. Каплан, Волтц), основываясь на традиции научно-философского рационализма, утверждали, что с помощью дедуктивной логики можно превратить ТМО в научное знание. Приверженцы исторического подхода, в частности, С. Хоффман, не рассматривали международные отношения как науку и при исследовании мировых процессов полагались исключительно на индуктивную логику исторических наблюдений.

В 1980–1990-х годах спор развернулся между представителями «позитивистских» и «постпозитивистских» течений. Как справедливо отмечает израильский исследователь Э. Навон [Navon 2001: 621], «позитивистами» в данном случае выступали сторонники научного рационализма, представлявшие одну из сторон в рамках «вторых дебатов», а «постпозитивистами» — представители разнообразных школ постмодернизма. Постпозитивисты поставили под сомнение убеждение позитивистов, согласно которому международная реальность существует независимо от индивида. «Крах эмпирико-позитивистских надежд, связанных с бихевиористскими научными подходами, — писал Й. Лapid, — побудил представителей практически всех социальных дисциплин пересмотреть онтологические, эпистемологические и аксиологические основы их научных изысканий» [Lapid 1989: 235]. Одним из положительных результатов такого «пересмотра» считают формирование конструктивизма, претендующего на статус «мостика» между рационализмом и постмодернизмом [см.: Wendt 1992: 391–425; Adler 1997: 319–363]. Навон усомнился в эвристической ценности «третьих дебатов», заявив, что предыдущие

дискуссии до сих пор не утратили своей актуальности и продолжают обогащать ТМО даже в большей мере, чем «третьи дебаты» [Navon 2001: 611–625].

Тем не менее критика позитивизма создала предпосылки для отказа от одного из базовых положений неореализма и неолиберализма — утверждения, что независимой переменной мировой политики является асоциальная по своей природе структура распределения факторов материальной мощи. Согласно этому положению, социальные процессы не могут влиять на формирование и динамику структуры мировой политики. Отсюда — устойчивость основной характеристики данной структуры — анархии, сохраняющейся в самых разных социальных контекстах. Утверждая, что источник изменений в мировой политике может иметь социальную природу, постпозитивисты открыли для индивидов и государств теоретическую возможность выступить в качестве независимой переменной мировой политики.

Данная идея получила развитие в рамках «вторых дебатов о государстве» [Hobson 2001: 395–414; Hobson 2003]. «Первые дебаты о государстве» развернулись в связи с появлением в 1970-х годах теории взаимозависимости. Представители реалистской парадигмы утверждали автономию государства по отношению к социальным процессам и негосударственным акторам, представители других теоретических школ с этим утверждением не соглашались. Участники «вторых дебатов о государстве» уже не противопоставляли государство социальным процессам транснационального характера. Основная дискуссия на данном этапе развернулась вокруг проблем взаимовлияния государства и структуры мировой политики. Утверждалось, в частности, что государство и общество не противостоят,

а взаимно дополняют друг друга. На такое переосмысление повлияла общая критика подхода позитивистов, стремившихся вынести социальные процессы за скобки системного анализа мировой политики. Постпозитивисты отказывались видеть в государствах гомогенные «бильярдные шары», полностью автономные от своих обществ. Напротив, государство и общество, извечные антагонисты, рассматривались как единый комплекс, который и выступает в качестве «агента», или актора мировой политики. В этой связи в рамках конструктивизма сформировалась ставшая уже классической проблема «агент–структура» [Wendt 1987], требующая ответа на вопросы, какой из этих двух элементов является независимой переменной и каковы отношения между ними — казуальные или конституирующие? Иными словами, в рамках «вторых дебатов о государстве» вопрос о государстве как о независимой переменной мировой политики был поставлен уже напрямую.

Такая постановка породила три новых, более фундаментальных вопроса: каковы характеристики независимой переменной, или «агента» мировой политики, *обладающего социальной природой*; наделено ли государство этими характеристиками; каков онтологический статус государства?

Одним из первых, кто попытался ответить на эти вопросы системно и последовательно, был представитель американского конструктивизма А. Вендт. В своем фундаментальном труде «Социальная теория международной политики» [Wendt 1999], признанном в 2006 г. лучшей работой по теории международных отношений за прошедшее десятилетие по версии Американской ассоциации международных исследований, Вендт построил системную теорию мировой политики, в которой в качестве независимой

переменной рассматривал государство, а не асоциальную структуру распределения материальных факторов мощи. В основу своей теории исследователь положил конструктивистски переработанную «Теорию международной политики» Уолтца. Он выбрал третий уровень анализа и использовал понятие структуры международных отношений, но придал ему качественно иную трактовку. Под структурой международных отношений Вендт понимал уже не структуру распределения материальных факторов мощи, а структуру «общих воззрений» государств [Wendt 1999: 1]. Именно общие воззрения составляют содержание культуры международного взаимодействия, которая определяет характер и цели использования материальных факторов мощи. Логика международной анархии не имеет самостоятельного содержания, но определяется культурой взаимоотношений между акторами мировой политики, основанной на разделяемых ими воззрениях. Анархия, по Вендту, «является тем, что из нее делают государства» [Wendt 1992: 391–425]. На вопрос об отношениях между государством (агентом) и структурой общих воззрений исследователь отвечал, что они носят не каузальный (как в неореализме), а конституирующий характер.

Отвечая на три упомянутых выше фундаментальных вопроса, Вендт утверждал, что одной из главных характеристик социального актора мировой политики является способность к интенциональному действию. Она предполагает наличие сознания, а, следовательно, присуща только человеку. Чтобы рассматривать государство как актора мировой политики, Вендту пришлось наделить его характеристиками человеческой личности. Государство, по его мнению, — это «целеполагающий актер, обладающий самосознанием» [Wendt 1999:

194]. Один из подзаголовков «Социальной теории международной политики» так и называется — «Государства тоже люди» [Wendt 1999: 215]. И, наконец, в вопросе об онтологическом статусе государства исследователь, следуя логике антропоморфизации, занял позицию философского реализма (в его противоположности номинализму). Таким образом, государство окончательно приобретает самостоятельную антропоморфную сущность, которая позволяет ему функционировать как исключительному носителю интенционального мирополитического действия.

Идея проблематизации государства как социального актора мировой политики была подхвачена представителями английской школы международных отношений. Исходя из того, что международное сообщество может рассматриваться как социальный конструкт, ряд исследователей (Т. Дьюн, А. Харрел, Б. Бузан) считают американский конструктивизм и английскую школу комплексными парадигмами [см., напр.: Dunne 1995: 367–389]. О. Уэвер, напротив, отстаивает идею независимости английской школы от конструктивизма, но, тем не менее, признает схожесть между этими парадигмами в понимании международной структуры как социального конструкта [Waever 1999].

Утверждение Вендта об антропоморфной природе государства как социального актора мировой политики встретило резкую критику представителей английской школы. В частности, они возражали против понимания способности к интенциональному действию исключительно как качества человеческой личности. Мнения исследователей разделились и по вопросу о реальности онтологического существования государства.

По взглядам на проблему онтологического статуса государства представителей

английской школы, принявших активное участие в ее обсуждении, можно условно разделить на *номиналистов* и *научных реалистов*.

И. Ньюманн, которого можно отнести к номиналистам, ставил под сомнение целесообразность антропоморфизации государства с эвристической точки зрения [Neumann 2004: 259–267]. Свое сомнение он обосновывал двумя соображениями. Во-первых, ссылаясь на Э. Дюркгейма [Durkheim 1986: 46–47], который также рассматривал государство как организм, Ньюманн указывал на то, что рассмотрение отдельного социального феномена как части единого организма означает приписывание этому феномену определенных функций. Таким образом, антропоморфизация государства сводится к функционализму — устаревшей, по мнению автора, концепции, от которой уже отказались современные социология и антропология. Во-вторых, признание за государством статуса индивида делает его таким же самоценным актором, каким является человек. Это неизбежно приведет к тому, что государство в правовой сфере станет наивысшей ценностью и целью. Кроме того, антропоморфное государство обретает природу, качественно отличную от всех негосударственных акторов мировой политики. Данное обстоятельство, по мнению Ньюманна, будет служить препятствием при анализе взаимовлияния государственных и негосударственных акторов в условиях глобализации.

К решению проблемы актора мировой политики исследователь предложил подойти с точки зрения лингвистического анализа. Он исходил из того, что мышление человека зависит от языка, а язык всегда метафоричен. Следовательно, «ключевой вопрос заключается не в том, является ли определенный феномен метафорой или нет,

а в том, *какие* именно метафоры составляют этот феномен, каковы результаты их использования, и каковы альтернативные издержки (в смысле относительной выгоды использования других конкурирующих метафор)» [Neumann 2004: 265].

Лингвистический подход к изучению государства позволяет, по мнению Ньюманна, преодолеть недостатки, связанные с антропоморфным видением субъекта мирополитического действия. Во-первых, в рамках лингвистического анализа основным объектом исследования выступает разнородная структура отношений между элементами, что дает возможность уйти от поиска онтологических основ изучаемого объекта. Во-вторых, эволюция языкового феномена отличается от эволюции организма, что способствует расширению проблематики адаптации государства к современным условиям. Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что актор мировой политики в интерпретации Ньюманна является языковым конструктором.

П. Джексон, другой представитель номиналистов, в своей критике концепции Вендта опирался не на философию Л. Витгенштейна, как Ньюманн, а на философию Г. Гегеля. По его мнению, с эвристической точки зрения государство целесообразно рассматривать не как статический феномен, представляемый в разных формах, а как процесс. «Вместо того, чтобы искать конституирующую *субстанцию*, акторов — будь то государства или индивиды — необходимо рассматривать как продукт постоянных конститутивных практик» [Jackson 2004b: 285]. При этом Джексон имел в виду преимущественно языковые практики. Ссылаясь на понятие «персонации», введенное еще Т. Гоббсом, он отмечал, что объект становится актором в том случае, если кто-нибудь имеет право выступать и дей-

твовать от его имени [Jackson 2004b: 287]. Такое понимание субъекта мирополитического действия расширяет список акторов мировой политики, позволяя включать в него, наряду с государствами и группами индивидов, «человечество, рынок, планету, цивилизацию».

Итак, номиналисты отрицают реальность государства как актора мировой политики, считая его конструктом устойчивых социальных практик. При этом решающее значение, с их точки зрения, имеют языковые практики.

Представители научного реализма, напротив, склонны полагать, что государство существует не только как социальный конструкт, но и как реальный объект. Например, К. Уит предлагает расширить концепцию субъекта интенционального действия, включив в это понятие социальный и материальный контекст, в рамках которого действуют индивид или группа индивидов. Исследователь критикует стремление Вендта отделить субъект действия от индивида и перенести его на уровень государства. В качестве примера расширенного понимания субъекта интенционального действия Уит приводит теорию акторных сетей, разработанную в 1980-х годах в рамках социологии науки М. Каллоном, Б. Латуром, Дж. Лоу. Согласно этой теории, субъектом действия выступает не индивид, а сеть, включающая в себя как индивидов, так и предметы материального мира. Таким образом, проблематизируется качественная граница между субъектом и объектом. Личность понимается как «результат действия сети гетерогенных, взаимодействующих материалов». «Если вы отнимете у меня мой компьютер, коллег, кабинет, мои книги, мой стол, мой телефон, — писал Лоу, — я уже не буду социологом, который пишет книги, выступает с лекциями и производит

знание... Размышлять, действовать, писать, любить, зарабатывать — свойства, которые мы обычно приписываем людям, являются продуктом сетей, которые формируются и распространяются как внутри личности, так и за ее пределами. ...актор — это всегда сеть» [Law 1992]. На основе теории акторных сетей Уит сформулировал собственное понимание субъекта интенционального действия, или «агента». По его мнению, понятие «агент» (или актор) следует интерпретировать двояко — как самостоятельный субъект действия и как субъект, действующий от имени кого-то или чего-то. При этом интенциональность действия остается свойством индивида, а результат действия предполагает связь субъекта с социальным и материальным контекстом. В комплексе «индивид–контекст» Уит отводил государству роль структурного контекста: «Когда мы говорим о действии государства, мы имеем в виду действие индивидов в определенном структурном контексте» [Wight 2004: 280]. Следовательно, государство в этом смысле является не актором, а структурой, в рамках которой осуществляются действия. Государство можно рассматривать в качестве актора, если исходить из понимания структурного контекста действия как неотъемлемой части самого действия.

Представители английской школы в целом соглашались с необходимостью выработки теоретической базы для рассмотрения государства в качестве актора мировой политики. Разногласия между ними и Вендтом касаются трактовки понятия актора. Вендт считает актором антропоморфизированное государство, тогда как Ньюманн и Джексон понимают под этим термином конструкт устойчивых социальных практик. Уит разделяет данную трактовку, дополняя ее структурно-материальным контекстом, в котором реализуются социальные практи-

ки. Таким образом, представители английской школы рассматривают государство как непрекращающийся процесс взаимодействия устойчивых социальных практик, осуществляемых в рамках определенной социальной и материальной структуры. Это в корне противоречит теории Вендта, стремившегося сформулировать такую концепцию государства, которая позволяла бы рассматривать его как относительно устойчивый феномен: «...мы сможем построить теорию процессов социальной конструкции *на уровне системы государств* лишь в том случае, если эти процессы имеют экзогенно определенные, относительно устойчивые платформы» [Wendt 1999: 198]. Иными словами, восприятие государства как процесса не позволяет, по мнению Вендта, построить социальную теорию мировой политики.

Следует отметить, что в ходе дискуссии Вендт дополнил свою первоначальную концепцию трактовкой государства как суперорганизма, обладающего коллективным сознанием. В своей статье «Государство как личность в теории международных отношений» [Wendt 2004: 289–316] он утверждал, что государства, как и колонии «общественных» насекомых (муравьев, пчел, термитов, ос), обладают «индивидуальностью», «внутренней организацией», «способностью к гомеостазу», а также «коллективным сознанием». Но они не могут быть просто организмами, так как неспособны к генетическому воспроизводству.

Дискуссия между представителями английской школы и Вендтом по поводу трактовки понятия актора в целом способствовала развитию мировой политики как научной дисциплины. Попытка Вендта уйти от материалистического понимания природы мировой политики натолкнулась на отсутствие единства в интерпретации феномена

государства как актора мировой политики. В полемике между конструктивизмом и английской школой отразились противоречия двух последних межпарадигмальных «дебатов» в области ТМО. Позиция Вендта, стремившегося построить научную теорию, которая позволяла бы описывать, объяснять и предсказывать развитие конструирующей сферы мировой политики макросоциальных процессов, во многом близка позиции сторонников научных подходов к изучению международных отношений 1950–1960-х годов. Представителей же английской школы в этом случае можно отнести к сторонникам исторического анализа. Рассмотрение государства как процесса взаимодействия устойчивых социальных практик, осуществляемых в рамках определенной социальной и материальной структуры, подразумевает использование, главным образом, индуктивной логики. На уровне «третьих дебатов» представители английской школы заняли явно постмодернистские позиции, считая языковые практики основным «агентом» структурирования социально-политической реальности. Представленная ими теория государства в корне противоречит научным устремлениям Вендта, так что если конструктивизм и играет роль «мостика» между рационализмом и постмодернизмом, то передвижение по этому «мостику» остается делом весьма рискованным.

Поставленный Вендтом вопрос о возможности построить научную теорию мировой политики на основе рассмотрения государства как независимой переменной остается открытым. Тем не менее дискуссия между конструктивизмом и английской школой поставила актуальную для науки о мировой политике проблему, связанную с отсутствием в ней теории государства. Очевидно, что проблематизация фундаментальных понятий этой науки, таких как государство, может

привести к созданию новых революционных парадигм. Не стоит забывать, что причиной успешного развития теоретической физики в начале прошлого столетия явилось то об-

стоятельство, что А. Эйнштейн не побоялся проблематизировать такие фундаментальные понятия, как одновременность, время, пространство и т.д.

примечания

Adler E. 1997. Seizing the Middle-Ground: Constructivism in World Politics // «European Journal of International Relations», vol. 3, № 3.

Dunne T. 1995. The Social Construction of International Society // «European Journal of International Relations», vol. 1(3).

Durkheim E. 1986. Durkheim on Politics and the State. Stanford: Stanford University Press.

Hobson J.M. 2001. The «Second State Debate» in International Relations: Theory Turned Upside-down // «Review of International Studies», № 27.

Hobson J.M. 2003. The State and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press.

Jackson P. 2004a. Is the State a Person? Why Should We Care? // «Review of International Studies», № 30.

Jackson P. 2004b. Hegel's House, or «People Are States Too» // «Review of International Studies», № 30.

Lapid Y. 1989. The Third Debate: On the Prospects of International Theory in a Post-Positivist Era // «International Studies Quarterly», № 33.

Law J. 1992. Notes on the Theory of the Actor Network: Ordering, Strategy and Heterogeneity. Centre for Science Studies, Lancaster University, Lancaster LA1 4YN: <http://www.lancs.ac.uk/fass/sociology/papers/law-notes-on-ant.pdf>

Navon E. 2001. The «Third Debate» Revisited // «Review of International Studies», № 27.

Neumann I. 2004. Beware of Organicism: The Narrative Self of the State // «Review of International Studies», № 30.

Waever O. 1999. Does the English School's Via Media Equal the Contemporary Constructivist Middle Ground? Prepared for the Panel: A Reconsideration of the English School: Close or Reconvene? At the 24th Annual Conference of the British International Studies Association. Manchester Conference Centre

(UMIST). 20–22.12: <http://www.leeds.ac.uk/polis/englishschool/waever99.htm>

Waltz K.N. 1959. Man, the State and War: A Theoretical Analysis. N.Y.: Columbia University Press.

Waltz K.N. 1979. Theory of International Politics. N.Y.: Random House.

Wendt A. 1987. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // «International Organization», vol. 41(3).

Wendt A. 1992. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of World Politics // «International Organization», vol. 46, № 2.

Wendt A. 1999. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press.

Wendt A. 2004. The State as Person in International Theory // «Review of International Studies», № 30.

Wight C. 2004. State Agency: Social Action without Human Activity? // «Review of International Studies», № 30.